

За полгода
достиженья не малы,
мы премудрости
любые одолели:
даже мама
так не вымоет полы,
не пришьет так прочно
пуговиц к шинели.

Знаю сам теперь,
что в армии нет слов
«не могу я»,
«не хочу я»,
«не умею»...
В ледяной воде промокну —
и здоров!
Хоть в огонь меня пошлют —
не оробею!

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Пусть дождь,
но воздух чистый, сочный —
прелесть!
Вглядимся пристальнее:
вдалеке
рябина и калина
закраснелись,
как лица девушек
на холодке...

Как струны гуслей,
дождик воедино
связал с землею небо...
Облака
так ласково плывут,
спустясь в долины,
и наших
плеч касаются слегка...

*Перевод с марийского
Игоря МИХАЙЛОВА.*

Вениамин ТИМАКОВ

ЗВЕЗДНЫЙ КОВШ

Свечение звезд над крышей дома.
В прозрачной тишине ночной
Вся в жемчугах блестит солома
Под неподвижною луной.
И на шесте в ночном сиянье
На расстоянии небольшом
Висит частица мирозданья
Большой Медведицы ковшом.

На шаг отступишь, станет выше
Весь мир, сияньем залитой.
Сместится дом, сместится крыша,
Сместится ковшик золотой.

Еще отступишь на полшага,
И вдруг покажется: вот-вот
Из ковшика прольется влага
На тихо спящий огород.

Или стукнется мгла слепая,
И, не подвластна никому,

Ночь золотым ковшом черпает
С земли ступившуюся тьму.

И, зачарован этим миготом,
Покоя не найду нигде.
А ковш качается над миром,
Как на невидимом гвозде.

И в тишине, боясь огласки,
Цветов заснувших не примяв,
Ищу разгадку этой сказки
Среди кустов, деревьев, трав.

Ковша меняются отметки
На недоступной высоте:
Затронет яблоки на ветке,
Завьется хмелем на шесте.

Над сказкой — прежняя завеса
С тех детских лет, с тех давних пор.
Коснется ковш опушки леса
И погруженных в полночь гор.

ТРОПИНКИ СЕРДЦА

Я поднимаюсь, точно лес,
Из забытых сказок весь,
Из песен, слышанных давно,
Из книг, что прочитать дано.

Здесь Сольвейг вечная живет,
Здесь горе с болью отомрет.
Здесь в дом надежды в два окна
Зарей стучится тишина.

Нарсип — волшебная сестра
Оплачет милого с утра.
На дубе задрожат листья,
Услышишь: «Где, мой милый, ты?»

И на руках среди болот
Татьяну вымысел несет.
И два медведя много лет
С улыбкою глядят вослед.

Под звуки гуслей каждый год
Рябины водят хоровод.
Влечет волшебная рука
Меня сюда издалека.

А это кто? Мой прадед, ты ль?
Исчезла вековая пыль.
И в песне вновь его душа
Живет, юна и хороша.

Прикосновеньем чьих-то рук
Серебряный исторгнут звук.
И белой ниточкой плывет
Незримый в небе самолет.

И верю я, настанет год —
Вновь папоротник расцветет,
Зажжет в душе волшебный свет,
Даря то, чего в ней нет.

ВОСПОМИНАНИЕ

Захочешь услышать, как ручеек
Журчит в снегу, — зажми руками уши,
И всем, кто рядом, будет невдомек,
Что слышишь ты, а ты сиди и слушай.

По водостоку светлая вода,
Как по хрустальным желобам, струится —
По голубой тропинке навсегда
От прошлого Снегурочка стремится.

Так нежен звук той голубой воды!
Бегущие мне недоступны тропы.
А на губах горячие следы
От пламени, что плавало сугробы.

Ты далеко. Но если вдруг душа
Начнет томиться по тому, что было,
Прикрой глаза, притихни, не дыша, —
Воскреснет все, что ты тогда любила.

ЖЕЛТЫЕ ВЕТЛЫ

В долине за деревней, так светла,
Цыпленком желтым расцвела ветла.
Боясь шуметь, шепча, журчит ручей,
Прозрачный от пронзительных лучей.

На цыпочках к ветле подходит ночь,
Ветле заснуть пытается помочь.
И дальний трактор в этот поздний час,
Потарахтев, погасит яркий глаз.

На ветлах — поселения грачей,
Там сто домов без крыш и без печей.
Но спят грачи, не балагурят зря,
Разбудит их весенняя заря.

Такая нынче в мире тишина!
Птенец проснется, — ночь погружена
В безмолвие. Немотствует ветла.
Спокоен мир. И тишина светла.

*Перевод с чувашского
Надежды ПОЛЯКОВОЙ.*

Галимджан ЛАТЫШ

В КРАЮ, ГДЕ СЕНО Я КОСИЛ

Как сладок пряный запах лета
В краю, где сено я косил
и где, прильнув к земле прогретой,
я набирался свежих сил.

Мечтательная наша юность
в прохладных травах у ручья.
В зеленом пламени июня
осталась молодость моя.

Но смог не каждый возвратиться
сюда, на родину свою.

Здесь не стареющие птицы, —
я их как будто узнаю.

И жаворонок возле солнца,
над лугом утренним звеня,
по праву старого знакомого
тревожит песнями меня.

Как будто в сердце у пичуги
донные живы и ясны
воспоминания о друге,
который не пришел с войны.